

# ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

## Отечественная история

УДК 94(470)

DOI 10.37386/2413-4481-2024-3-85-92

Сергей Валерьевич Ананьев

Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Москва, Россия, sergey\_ananyev1982@mail.ru

### ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1880–1890-е гг.)

*Аннотация.* Рассмотрены особенности организации и проведения царским правительством политики по обеспечению внутренней безопасности в Привислинском крае и Северо-Западном крае Российской империи в 1880-1890-е гг., которые характеризовались русификацией и унификацией общественно-политической и культурной жизни региона. Отмечены направления деятельности проводимой политики и показаны ее результаты. Данное исследование углубляет имеющиеся в отечественной историографии сведения по изучаемому вопросу.

*Ключевые слова:* русификация; унификация; безопасность; конфессиональный вопрос; чиновничество; рабочее движение; полицейский надзор.

Sergey V. Ananyev

Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russia, sergey\_ananyev1982@mail.ru

### GOVERNMENT POLICY TO ENSURE INTERNAL SECURITY OF THE WESTERN OUTSKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE (1880–1890)

*Abstract.* The paper considers peculiarities of the tsarist government's policy aimed at ensuring internal security of the Privislinsky Krai and the North-Western Territory of the Russian Empire in the 1880-1890s. The policy was characterized by Russification and unification of the socio-political and cultural life of the region. The directions of the policy are noted and its results are shown. This paper contributes to existing studies in domestic historiography on the issue discussed.

*Keywords:* russification; unification; security; confessional issue; bureaucracy; labor movement; police supervision.

Проблема обеспечения государственной и общественной безопасности всегда тесно переплеталась не только с правоохранительными органами государства, но и с органами центральной власти, которые формулировали в этой связи задачи и организовывали их исполнение на местах.

Российское государство последней четверти XIX века представляло собой абсолютную монархию во главе с императором, осуществлявшую законодательную, исполнительную и судебную власть при помощи государственного аппарата. Государственный аппарат являлся системой тесно взаимосвязанных между собой основных элементов государственного механизма, соответствующих им учреждений и органов.

В современных условиях обострения международной ситуации на западных рубежах Российского государства изучение исторического опыта деятельности органов власти по обеспечению внутренней безопасности в западном регионе приобретает особую актуальность и позволяет

извлечь некоторые уроки в схожих исторических условиях. Соответственно, задача обеспечения внутренней безопасности тесным образом переплетается с проблемами функционирования Российского государства. Целью исследования является анализ деятельности органов государственной власти Российской империи в решении вопросов обеспечения внутренней безопасности западных окраин в 1880–1890-е гг.

В рамках исследования правительственной политики в западных окраинах Российской империи, помимо использования архивных документов и законодательных актов, привлекались исторические источники и литература. Краткий обзор особенностей проведения правительственной политики по обеспечению внутренней безопасности западных окраин Российского государства в указанный исторический период в отечественной историографии проводится впервые.

С воцарением императора Александра III в 1881 году после убийства его отца народоволь-

цами правительственный курс окончательно сместился в сторону консервативной направленности и политической реакции, характеризовавшихся еще большим укреплением административно-полицейского аппарата, применением жестких мер по охранению существующего политического режима. С 1880-х гг. отличительной особенностью окраинной политики государства становится русификация, проявившаяся в административной и культурной унификации западных окраин. Впервые после подавления польского восстания 1863 года царское правительство возвращало механизмы реализации методов культурно-языковой русификации в западных губерниях Российской империи, при этом курс на увольнение польских чиновников и внедрение русского землевладения стал более последовательным, чем в предыдущие десятилетия.

Политический кризис 1879–1880 гг. наглядно продемонстрировал царскому правительству непригодность правоохранительных структур империи к эффективному противодействию революционному народолюбческому движению, взявшему на вооружение более изощренные и конспиративные способы борьбы с самодержавной властью, затруднявшие процесс расследования и обнаружения политических преступлений.

Следует отметить, что имперская политика, проводимая на западных окраинах государства, постепенно приносила определенные успехи, что отражалось на внешнем фоне социальной и культурной жизни региона [1, л. 11–13 об.]. Только в Привислинском крае (бывшее Царство Польское после образования варшавского генерал-губернаторства в 1874 г.) к концу 70-х годов XIX в. было построено более 250 православных храмов, а в Северо-Западном крае – более 1 300 [2, с. 226]. Начальник ломжинской жандармерии писал: «Двадцатипятилетняя деятельность правительственных школ принесла уже видимые успехи в реализации правительственных планов... Почти во всей губернии можно уже говорить с населением по-русски, который понятен для молодого поколения» [3, л. 6]. Многие жандармские начальники тех лет в своих отчетах констатировали факт, что присутствие и постоянное увеличение числа российских чиновников давало определенные гарантии успеха политики по русификации западных окраин и склоняло немалую часть польского общества к отказу от борьбы за политические права и свободы [4, с. 211]. Однако, как показали дальнейшие события, проводимая

политика имела и свои изъяны, а польское общество проявило высокий национально-культурный иммунитет к этой политике, сумев сохранить национальную идентичность.

Направление правительственной политики, реализованное в польских губерниях, наиболее ярко было выражено в мероприятиях генерал-губернатора генерал-адъютанта И. В. Гурко, героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [5, с. 295]. Главной опорой царского правительства и механизмом утверждения принимаемых решений в период правления царя-миротворца становится военно-полицейская сила. Правовым основанием проводимой политики являлось «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», принятое 14 августа 1881 года. Главным ответственным лицом по реализации данного Положения являлся министр внутренних дел, которому по вопросам охранения государственного порядка и обеспечения общественной безопасности обязаны были подчиняться местные должностные лица, а другие ведомства – оказывать всяческое содействие [6, с. 262].

Положение предусматривало введение на территории государства двух особых режимов охраны: усиленной и чрезвычайной, а вся полнота власти сосредоточивалась в руках главнокомандующего. Положение об охране 1881 года временно вводилось на 3 года, затем продлевалось в 1884, 1887, 1890, 1893, 1896, 1899 и 1902 годах высочайше утвержденными положениями Комитета министров на 3 года [7]. Этот документ фактически и стал нормативно-правовой основой деятельности МВД по пресечению угроз внутренней безопасности [8].

При введении положений усиленной или чрезвычайной охраны губернские власти получали право на арест сроком до трех месяцев, взимание штрафов до 500 рублей или высылку из края лиц с санкции МВД. Губернатор получал право запрещать собрания, закрывать торговые и промышленные заведения. Он был обязан следить за деятельностью полицейских и других правоохранительных структур, в этих условиях в круг его обязанностей вошли вопросы обеспечения внутренней безопасности, обнародования государственных законов, издания собственных указов, циркуляров и постановлений [9, с. 398].

С целью изучения политической ситуации в западных губерниях империи на предмет вероятности новых антиправительственных вы-

ступлений руководством МВД был направлен высокопоставленный чиновник Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий (что лишний раз подтвердило важность конфессиональной составляющей в деле обеспечения внутренней безопасности региона) князь Н. Н. Голицын. По результатам проверки им было отмечено, что явных предпосылок для организации нового польского восстания против российского правительства не имеется. Им были сделаны, вероятно, точные и существенные выводы для дальнейшего выстраивания царской политики в западных окраинах. Он отметил невозможность преодоления польской идентичности, польской социальной среды западных окраин империи посредством проводимой политики русификации, но их (поляков), по его мнению, следовало убедить в невозможности возрождения польского государства, а также в необходимости жизнедеятельности в составе российского государства для их же блага. Сохранение внутреннего спокойствия могло быть гарантировано сдержанной политикой русской администрации в отношении сохранения польского языка и религии для польского населения. Голицын сделал вывод, что отсутствие политического протеста польского населения определялось осознанием ими невозможности на том этапе самостоятельно освободиться от российской власти.

С его основными выводами согласился генерал-губернатор Привислинского края И. В. Гурко, отметив «невозможность правительства повлиять на образ мыслей поляков, а лишь на образ их действий» [10, с. 236]. К сожалению, доводы князя Н. Н. Голицына хоть и были приняты к сведению высшей властью империи, но правильные и своевременные выводы из них так и не были сделаны. Политика по ограничению польского землевладения, фильтрация польских чиновников в государственном аппарате, а главное, культурно-языковые и религиозные ограничения были продолжены и даже усилены.

Несмотря на то, что царское правительство императора Александра III в 1882 году пошло на заключение конкордата с Ватиканом, разрешавшего замещение вакантных католических епископских кафедр, оно не перестало вмешиваться в церковные дела местного католического духовенства и даже преследовать его отдельных представителей. Так, ксендзам запрещалось отговаривать представителей католического населения от браков с православными, посещать народные

школы, отправляться в другие приходы без разрешения полиции. Виновные в нарушении правил подвергались судебному преследованию.

Продолжились ограничения в использовании польского языка в образовательном процессе и при ведении официального делопроизводства. В варшавских гимназиях учащимся запрещалось говорить на родном языке даже на переменах [11, с. 17]. Очаги польской культуры и внешние проявления польского нарратива ставились под запрет, как и публичное употребление польского языка [12, с. 184–185]. В российских университетах продолжал действовать 10-процентный лимит для польских студентов.

Сын царского офицера, служившего в Привислинском крае, один из лидеров Белого движения Антон Иванович Деникин вспоминал, что «обострению русско-польских отношений много способствовала нелепая, тяжелая и обидная для поляков русификация, проводившаяся Петербургом, в особенности в школьной области» [13]. В этой связи одиозной личностью выступил попечитель Варшавского учебного округа А. Л. Апухтин, прозванный местной интеллигенцией «обрусителем пошлого сорта» [14, л. 12 об.], запомнившийся, по воспоминаниям современников, ненавистью к полякам и всему польскому, узостью взглядов и большим желанием отличиться перед вышестоящим начальством [14, л. 13].

Проводимые царским правительством русификаторские мероприятия в западных окраинах государства признавались необходимыми для обеспечения безопасности западных границ империи. Важным фактором при кадровых назначениях того периода в местную администрацию являлось русское происхождение назначаемых чиновников. Эти назначения, к сожалению, несли с собой и пагубные последствия, заключавшиеся в распространении российской чиновничьей средой взяточничества, что подтверждается архивными данными [14] и красноречиво отображено русской писательницей и журналисткой Н. В. Ланской в романе «Обрусители» [15]. Там повествовалось о том, что местное мелкое русское чиновничество довольно часто оказывалось «в долгах по уши» и вынуждено было оправдывать взимание взятки сложившимся положением [14, л. 11], что подтверждают и архивные данные [16].

Характерно, что имелось множество категорий различных взяток [14, л. 250–252]. Общественный резонанс имело дело начальника следственной по-

лиции в одной из польских губерний Сикорского, который получил взятку в несколько сотен рублей от местного лекаря, чтобы их с братом освободили от полицейского надзора [14, л. 268]. Даже смертная казнь Сикорского ситуацию со взяточничеством не исправила. Один из современников событий, предпочтший остаться анонимным, с сарказмом заметил, что Россию от нигилистов и революционеров можно спасти лишь взяткой в несколько миллионов рублей [14, л. 268–269].

Отдельные русские чиновники отправлялись в край, чтобы приобрести земельные угодья, принадлежавшие польским помещикам, и сами, в свою очередь, становились помещиками. Другой крайностью проводимой политики являлось то, что из числа приехавших из внутренних губерний учителей было немало социалистов [14, л. 17 об.]. Надо полагать, что подобные тенденции бросали тень на проводимую в регионе политику русификации, дискредитируя как местное чиновничество, так и центральную власть, что способствовало обратному эффекту – еще большему сплочению представителей польской национальности и культуры.

Это понимали и признавали отдельные представители высшего чиновничества. Даже варшавский генерал-губернатор И. В. Гурко, назначенный в 1883 году и пользовавшийся в глазах польского общества репутацией «гонителя польскости», не раз в своих всеподданнейших докладах императору указывал на ненормальность некоторых мероприятий обрусительного характера [10].

К сожалению, проводимая царским правительством национальная политика в западных окраинах Российской империи в эти годы имела и оттенок антисемитизма. 3 мая 1882 г. были опубликованы Временные правила о жительстве евреев вне городов и местечек, где определялись условия и районы постоянного проживания этого народа в пределах черты оседлости. В июле 1887 года министром народного просвещения И. Д. Деляновым в изданных циркулярах была также установлена процентная норма приема евреев в учебные заведения в черте оседлости в размере 10 %, 5 % – вне черты и 3 % – в столицах. Подобная политика со временем привела к тому, что в черте оседлости усилилось недовольство проводимым курсом, что приближало открытый протест, вовлечение представителей этой национальности в политическую борьбу с правящим режимом. Наибольшее распространение получили движение евреев в форме сионизма и рабо-

чее еврейское движение, которые соперничали между собой за влияние на соплеменников. Другим последствием данной политики стала массовая эмиграция еврейского населения в Северную Америку [17, с. 202]. Усугубила ситуацию серия еврейских погромов 1880–1890-х гг., организованная праворадикальными представителями общества.

С укреплением политического режима в данный период еще больше расширяются права генерал-губернаторов западных окраин империи. Варшавскому генерал-губернатору было предоставлено право наложения взысканий за проступки, имеющие политический характер: нарушение правил о полицейском надзоре, правил содержания частными лицами оружия и боеприпасов, правил о съезде представителей римско-католического духовенства, правил сооружения памятников в память о политических событиях, ношения траурного платья. Виновные подвергались штрафу на сумму до 10 рублей или аресту сроком до 5 суток по распоряжению варшавского обер-полицейстера и губернаторов, а по распоряжению генерал-губернатора – более строгим взысканиям [18, с. 162]. Расширилась и роль МВД, которому с 1884 года было предоставлено право воспрещать проживание отдельным личностям в губерниях Привислинского края [19].

В 1884 году Комитет министров наконец пришел к заключению, что вытеснение поляков не сопровождается пропорциональным ростом русского присутствия. Если до 1886 года в западные губернии империи привлекались все желающие русские землевладельцы, то после этого – только наиболее благонадежные, по усмотрению генерал-губернатора [20, с. 92]. Теперь для приобретения земли в западных губерниях свидетельства о непольском происхождении от генерал-губернатора было недостаточно и требовалось особое удостоверение, разрешавшее данному лицу покупку земли [21, с. 289].

Политика вытеснения католического костела из сферы образования к концу XIX столетия подверглась некоторой либерализации и снова приобрела черты непоследовательности. Так, виленский генерал-губернатор И. С. Каханов (1884–1893 гг.) предлагал возобновить политику обрусения католического костела. Целесообразность его решения диктовалась, по его мнению, необходимостью пресечения действий католического духовенства по дальнейшей пропаганде среди местного населения [22, с. 112]. Он считал

необходимым запретить употребление польского языка в католическом богослужении, усилить правительственный надзор за католическими семинариями. Бывший министр народного просвещения и он же бывший обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода граф Д. А. Толстой в конфессиональных вопросах, однако, проявил принцип осторожности, выступив против «обрусения костела», его поддержал и действующий глава ведомства К. П. Победоносцев [21, с. 278]. В конечном итоге все это привело к тому, что правящая власть и местная администрация не сумели остановить процесс полонизации местного белорусского и литовского населения католическим клиром.

Другой проблемой, с которой столкнулось царское правительство в начале 80-х годов XIX века, стало возникновение и рост рабочего движения, вопросы которого требовали урегулирования, в том числе законодательным путем. В 1882 году с издания законов о работе малолетних и организации фабричной инспекции возникает рабочее законодательство. В принятом в 1885 году «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» перечислялись меры наказания стачечников. Устанавливалась уголовная ответственность рабочего за отказ от работы до истечения срока его найма. При этом фабриканты за ухудшение условий труда, оплаты, самовольное увольнение рабочего практически не несли никакой ответственности, за исключением редких случаев применения штрафа от 50 до 500 рублей по отношению к ним [23]. Принятие рабочего законодательства имело практическую значимость в промышленно развитом регионе Российской империи, которым являлся Привислинский край.

Правительство не оставило попыток выработки эффективной государственной программы по управлению окраинными областями, так как это было необходимо для поддержания внутренней безопасности государства. 13 июня 1886 г. были изданы дополнительные правила о преимуществах службы в отдаленных губерниях. Особые привилегии предоставлялись служащим православного исповедания – всем им была установлена надбавка к жалованию в размере 50 %. Так, инициативу в данном вопросе показал Плоцкий губернатор Л. И. Черкасов, который, согласно жандармскому донесению, в 1885 году пригласил из России целый отряд чиновников и удалил из уездных и губернских учреждений всех поляков [24, л. 9].

Однако противоречивость российского законодательства, неэффективность финансовой системы государства, столкновение интересов представителей центральной власти на местах нивелировали усилия инициаторов и проводников русификаторской политики в регионе. Критика деятельности российской администрации со стороны польской общественности также негативно сказалась на результативности проводимой политики. Отсутствие институтов самоуправления в городах края привело к отставанию региона в развитии социальной сферы и распространению в этом направлении злоупотреблений [25, с. 25]. Главным звеном в осуществлении русификаторских мероприятий оставалась православная церковь [7, с. 109]. 7 февраля 1892 года, согласно высочайшему повелению, обязательным языком преподавания Закона Божьего в начальных училищах римско-католического вероисповедания становился русский язык. Начиная с 1867 года духовные православные семинарии только в белорусских губерниях подготовили более 17 тыс. человек, а духовные училища – более 37 тыс. человек [26, с. 46–47]. Строгим оставался и надзор за обучением местного населения на польском языке в губерниях Северо-Западного края. Так, согласно Постановлению 1892 года за тайное обучение на польском языке полагались следующие виды наказания: штраф в размере 300 рублей или 3 месяца ареста [27, с. 223–224]. (Эти временные правила были отменены только в 1906 году.) Суровые меры ждали представителей католического клира за применение мер прозелитизма в отношении православного населения. Виновное в этом лицо приговаривалось к наказанию плетью, лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь [26, с. 45].

Еще одним направлением конфессиональной деятельности государства в западных регионах стала политика в отношении религиозных сект, которые усилили в конце XIX века миссионерскую деятельность посредством организации публичных собраний, распространения изданий, учреждения благотворительных организаций. Наиболее распространенными сектами стали адвентисты, евангелические христиане, штундисты и баптисты. Православное духовенство всеми силами боролось с данными проявлениями. По настоянию обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева штундисты и баптисты официально были включены в разряд «особо вредных сект» [28, с. 56]. Вслед

за этим в конце 1890-х гг. последовали меры репрессивного характера. Был выработан ряд мер по ограждению местного населения от влияния сектантов, к числу которых были отнесены съезды представителей православного духовенства, духовные просветительские курсы, миссионерская деятельность среди населения. Отдельные представители сект ссылались в северные губернии империи, Закавказье и Сибирь.

Новый император Николай II (1894–1917 гг.) в проводимой национальной политике на западных окраинах фактически продолжил курс своего предшественника на российском престоле. Этот курс выразился в продолжении политики недоверия к польскому обществу и отсутствии каких-либо уступок в политической и культурной сферах.

Важной мерой в рамках продолжившейся политики политической реакции и русификации окраин империи стало усиление наблюдения за передвижением населения. В июне 1894 года Государственным советом Российской империи было утверждено «Положение о видах на жительство», усиливавшее роль паспортного контроля как средства полицейского надзора за передвижением населения. Данное Положение вводилось в действие с 1 января 1895 года во всех местностях государства, за исключением Привислинского края. Рабочие также должны были иметь вид на жительство. В октябре 1898 года министр внутренних дел И. Л. Горемыкин пришел к решению увеличить штаты фабричной инспекции, в связи с чем особое внимание было уделено проекту создания Главного присутствия по фабричным делам [29, л. 21]. Тем самым усиливался и контроль за рабочими на фабриках и заводах со стороны фабричной инспекции. Политическая активность рабочего класса поставила МВД перед необходимостью принятия решения об объединении усилий со стороны губернской администрации во взаимодействии с фабричной и горной инспекциями, начальниками казенных заводов и железнодорожных мастерских, прокурорского надзора, ГЖУ, железнодорожных полицейских и общей полиции для согласования действий при первых признаках волнения в рабочей среде.

Ущемление на протяжении предшествующих десятилетий прав местных национальностей способствовало большему вовлечению их представителей в революционное движение. Так, в 1897 году на территории Северо-Западного края

был основан Бунд – еврейская социалистическая партия, а в 1899 году – группы «рабочих Сиона», выступающие за социализм немарксистского толка и допускающие террористические методы борьбы с представителями имперской власти. Аграрная политика правительства в Северо-Западном крае к концу XIX столетия признавалась малоуспешной. Русские крестьяне центральных российских губерний не проявили большого энтузиазма в колонизации края, несмотря на множество преимуществ и льгот от государства. Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в девяти губерниях Западного края в 1897 г. польская собственность включала в себя около 10 млн гектаров пахотной земли, что составляло около 47 % от общей площади земельных угодий, число же польских собственников достигало 25 тыс. человек, что составило около 32 % от общего числа землевладельцев [30, с. 111].

С назначением в 1897 году на пост генерал-губернатора Привислинского края князя А. К. Иммертинского (1897–1900 гг.) наметились тенденции по либерализации политики в отношении польских губерний. Новый генерал-губернатор потребовал увольнения наиболее рьяного проводника русификаторской политики А. Л. Апухтина. С 1897 г. русский язык был устранен из богослужения и заменен латинским. Правительство сочло, что время для нововведений еще не пришло. Ни один из проектов реформ, предлагаемых Иммертинским в Привислинском крае, так и не был одобрен.

Таким образом, политика унификации и русификации как Северо-Западного, так и Привислинского края выражалась в системе административных, социальных, кадровых, конфессиональных и других преобразований, проводимых специально созданными учреждениями с русской администрацией. Данные мероприятия в западных окраинах государства были нацелены на обеспечение внутренней безопасности на его западных границах. Практика чередования правительством и местной администрацией репрессивных и либеральных мер в отношении региона привела правящий режим к убеждению в правильности консервативной модели управления при помощи военно-полицейской силы. Альтернативная точка зрения, заключающаяся в проведении более сдержанной политики в регионе со стороны царской администрации в отношении сохранения польского языка и религии для местного населения

как гарантии внутреннего спокойствия, не была принята. Возможно, ведение более сбалансированной и сдержанной политики стало бы залогом большего успеха в данном многоконфессиональном и многонациональном регионе, да и в государстве в целом.

К исходу XIX столетия российское правительство с огорчением для себя могло констатировать провал аграрной, кадровой, образовательной и конфессиональной политики в западных окраинах империи, выступавшей в его понимании одним из залогов государственной и общественной безопасности в регионе. Оно так и не сумело остановить процесс колонизации местного белорусского и литовского населения католическим клиром. Негативную роль для репутации правительственной власти сыграла и физиономия русского чиновничества, порождавшая и рас-

пространявшая порочную систему взяточничества. К старым нерешенным добавилась и новая проблема – набиравшее силу рабочее движение. Несмотря на первоначальные ожидания, политика по русификации, проводимая в западных окраинах империи, вызвала обратный эффект со стороны польского общества и еврейского населения, трансформируя линию их общественно-политического поведения от явлений «отсутствующих» и «упорствующих» к более открытому противостоянию с царской администрацией. Политика превращения поляков в верноподданных граждан империи на протяжении XIX века потерпела фиаско. Одной из главных причин этого стал высокий порог устойчивости национальной идентичности польского населения и слабая его восприимчивость к национальной и культурной ассимиляции.

### Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 3 эксп. Оп. 164. Д. 734.
2. Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1903. Т. 1. 538 с.
3. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 2439.
4. Вех С. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX и начале XX в. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2013. № 2. С. 198–215.
5. Витте С. Ю. Воспоминания. 2-е изд. Л.: Госиздат, 1924. Т. 3. 395 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. СПб., 1885. Т. 1.
7. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 444 с.
8. ПСЗ РИ. Собр. 3. СПб., 1885. Т. 1. № 350.
9. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1997. 415 с.
10. Гурко И. В. Очерки Привислянья. М.: Изд-во тип В. В. Чичерина, 1897. 377 с.
11. Андреева Н. Н., Ващенко А. В., Звонарев А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи. М.: Зерцало-М, 2015. 128 с.
12. Бартызель Я. 1863 – вместе в пропасть // Русский Сборник. М., 2013. Т. XV. С. 177–188.
13. Деникин А. И. Путь русского офицера. М.: Вече, 2012. 320 с.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 232. Оп. 1. Д. 145.
15. Ланская Н. В. Обрусители. Из общественной жизни Западного края в двух частях. СПб.: Изд-во книжного магазина П. В. Луковникова, 1888. 145 с.
16. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 466.
17. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 372 с.
18. Рейнке Н. Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881 г.). СПб.: Сенатская типография, 1902. 180 с.
19. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1863–1917. Ст. 838.
20. Ольшамовский Б. Г. Права по землевладению в Западном крае. СПб.: Изд-во тип. Ю. А. Мансфельд, 1899. 139 с.
21. Западные окраины Российской империи / под ред. М. Д. Долбилова. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
22. Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. 439 с.
23. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 5-е изд. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.
24. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 1878.

25. Карнишина Н. Г. Национальные окраины Российской империи в середине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2011. № 2 (18). С. 22–27.
26. Ганчар А. И. Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905 гг.). Гродно: ГГАУ, 2008. 276 с.
27. ПСЗ РИ. Собр. 3. СПб., 1885. Т. 12. № 8486.
28. Линкевич В. Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси (1861–1914 гг.): пособие. Гродно: ГрГУ, 2008. 105 с.
29. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 32.
30. Вех С. Западный край («захваченные земли») во внутренней политике Российской империи // Wshodni goscznik humanistyczny. 2021. Т. XVIII, № 2. С. 97–123.

*Статья поступила в редакцию 20.04.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 02.07.2024.*

*The article was submitted 20.04.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 02.07.2024.*